

В наше время развитие генетики и методов генной инженерии снова сделали вопрос о применении евгеники актуальным. Современная наука предоставляет возможность изменять последовательность нуклеотидов в ДНК некоторых растений и животных. Так как человек является объектом живого мира, то возникает вопрос о возможности применения данных методов и в отношении человека. С позиции многих деятелей науки и искусства, евгенический подход может кардинально изменить облик современного человека. Правда, при этом нет никакой уверенности, что эти изменения будут благоприятны. Поэтому следует привести аргументы и против евгеники – как с позиции современной генетики, так и с эτικο-моральных позиций.

1. Еще во времена Г. Менделя было понятно, что не все признаки передаются из поколения в поколение согласно законам наследственности, которые объясняют наследование признаков с узкой нормой реакции, имеющих только один альтернативный признак. Впоследствии выяснилось, что многие признаки кодируются более чем одной наследственной единицей, например, многие количественные показатели с широкой нормой реакции: вес, рост и т. д. Характер их наследования гораздо удобнее исследовать статистически, чем аналитически. Таким образом, невозможно с достаточной точностью прогнозировать их проявление.

2. Сложность «уничтожения» рецессивных генов. Многие мутантные признаки наследуются рецессивно, то есть при наличии рецессивного гена, отвечающего за дефект, и гена доминантного, отвечающего за традиционное проявление признака, фенотип будет «нормальным». Таким образом, в популяции образуется группа носителей мутантного гена, которые не проявляют никаких признаков мутации. Даже при использовании методов негативной евгеники, такого как ограничение репродукции обладателей «дефектных» признаков, полное исключение мутантного гена не гарантируется.

3. Возможность «редактирования» ДНК человека с помощью науки. Современная наука позволяет людям создавать *in vitro* и редактировать фрагменты ДНК человека «на заказ»: выбор цвета глаз и волос, способностей и склонностей будущего ребенка. Но в распространенную практику это не вошло из-за общемирового законодательного запрета. Легко понять, что движет женщиной, которая захочет подавить «гены алкоголизма» у своего ребенка. А заодно удлинить пальцы или наделить ребенка исключительным слухом – уже в утробе позаботиться о его карьерных перспективах. Человек, «запланированный» под определенную профессию, не будет годами искать свое предназначение, а стремительно пойдет к своей цели. Но что, если ребенок не захочет посвятить себя музыке? С другой стороны, захочет ли кто-то рожать сантехника или дворника, когда можно получить гениального ученого? Чтобы определить возможности каждой женщины, могут появиться специальные государственные органы. Нет генов для воспроизводства талантов? Рожай обслуживающий персонал и получай денежную компенсацию. То, что создается сегодня в лечебных целях, рано или поздно может коммерциализироваться. «Отредактированный» ребенок станет лакмусовой бумажкой обеспеченных слоев – такой же, как брендовая одежда, качественно «перекроенное» лицо и силиконовые импланты у современных див. Расслоение общества по «специализации организма» в таком контексте представляется следующим и неизбежным этапом.

4. Связанные с этими процессами этические риски. Способные и талантливые выделятся в касты, и «невыдающиеся» личности не будут этому противиться. В них от природы – вернее, от генетиков – может быть заложена смиренность, осознание своих скромных возможностей. Добавьте к этому стимулирующую идеологию, и идеальное общество готово.

Таким образом, развитие медицины и генной инженерии, способствуя излечению многих заболеваний, вытесняет естественный отбор, тем самым ослабляя человеческую популяцию, нарушая баланс в природе и обществе. Одновременно возрождается и евгеника, пусть и в самом «лучшем» виде – как *позитивная неоевгеника*. Но человеку не все подвластно, и грубое вторжение в геном может привести к катастрофическим последствиям.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ БИОЭТИКИ КАК НАУКИ ON THE ISSUE OF THE STATUS OF BIOETHICS

М. М. Погожа

М. Rohozha

Киевский национальный университет им. Т. Шевченко,

г. Киев, Украина

mrogozha@ukr.net

Kyiv Taras Shevchenko National University, Kyiv, Ukraine

Рассматриваются обстоятельства формирования биоэтики как качественно новой отрасли знания и вскрываются особенности становления ее предметного поля.

Circumstances of development of bioethics as a qualitatively new field of knowledge are observed and peculiarities of shaping of its subject matter are exposed.

Ключевые слова: биоэтика, В. Р. Поттер, биомедицинская этика.

Keywords: bioethics, V. R. Potter, biomedical ethics.

Формирование биоэтики ознаменовало собой новый, прикладной этап в развитии этики. Прикладная этика как достаточно самостоятельная область знания и практики начала бурно развиваться во второй половине XX в. Одной из формальных точек отсчета в ее создании стала публикация сборника Р. Хеара «Приложения моральной философии» (1972), в котором редактор обозначил биоэтику как особое этическое пространство для решения практических задач морального характера.

Биоэтика как одна из ведущих отраслей современного прикладного знания позволяет рассмотреть качественные особенности последнего в его отличиях от традиционных этических практико-ориентированных разновидностей. Рассмотрение же каждой из прикладных этик в плане статуса и предмета дает возможность пересматривать взаимосвязь теории и практики и вносить корректировки и уточнения в пространство этико-прикладного знания.

В случае биоэтики рывок, можно сказать, качественный сдвиг в прикладную сферу происходил очень осязаемо: от традиционной медицинской этики к биоэтике. Правда, само словообразование не только не отражает содержание этого сдвига, но изначально может ввести в некоторое заблуждение. В искусственно созданном термине «биоэтика» составляющая «био» (от гр. *bios* – жизнь) призвана засвидетельствовать, что жизнь человека как биологического вида приобретает новую, особую, нагрузку. Смыслы «био» в свете вызовов человеку, его биологической природе в современном мире сопряжены с целым комплексом морально-этических проблем, которые выходят за рамки традиционно рассматриваемых в медицинской этике деонтологических вопросов врачебной практики. Сегодня вполне распространена точка зрения о том, что биоэтика акцентирует морально-этические вопросы биологической организации человека, подвергает осмыслению и переосмыслению моральную составляющую в понятиях здоровья и болезни, жизни и смерти. Хотя основатель биоэтики В. Р. Поттер впервые употребил этот термин для обозначения сферы, не столько превышающей медицинскую этику глубиной ценностно-нормативных вопросов, сколько расширяющейся за счет привлечения под вывеску «био» экологической и сельскохозяйственной морально-этической проблематики на основании того, что «слово само говорит за себя» [1].

Следует отметить, что, введенный в 1970 г. в статье «Биоэтика: Наука выживания», предвещающей знаменитую книгу «Биоэтика: Мост в будущее», термин «биоэтика» для Поттера актуализировался в первоначальном контексте, и в середине 1990-х г. он уже считал зауженной смысловую нагрузку, получившую распространение в связи с переосмыслением профессиональными медиками сущности своей профессии. В 1996 г. Поттер настаивал, что термин «биоэтика» должен применяться в сфере «приложения этики ко всей жизни». Биоэтика должна быть «наукой выживания» и состоять из двух частей – медицинской биоэтики и сельскохозяйственной биоэтики (в смысле устойчивого сельского хозяйства). По мнению Поттера, наука биоэтика должна быть больше, «чем только наука» и восходить к необходимой на современном этапе развития цивилизации «мудрости: биологическому знанию и человеческим ценностям».

По большому счету, научный поиск, который искусственно поддерживается и насильно направляется в определенное русло, рано или поздно избавляется от навязываемых директив. И хотя эти уточнения в случае Поттера лишь отчасти уместны, естественное развитие биоэтики пошло по пути, который заметно отличается от намеченного ее основателем. При этом сорок лет развития – достаточный срок для того, чтобы понять, что отход от Поттеровской программы – не тактический ход, а стратегия развития.

Действительно, биоэтика укрепила, более того, значительно расширила свой междисциплинарный статус, включив в пространство своей компетентности морально-этические проблемы не только медицины, но биологических наук в целом. Следует заметить, что формирование знания по морально-этическим проблемам медицины и биологических наук, а также связанных с ними технологий происходило в связи с расширением знания о факторах, прямо влияющих на здоровье человека. Морально-этические вопросы, так или иначе выходящие на ключевую проблему здоровья человека, оказались приоритетными для биоэтики. Таким образом, в основном только проблемы «медицинской биоэтики» (по Поттеру) прижились под заявленной вывеской, а «экологическая биоэтика» с комплексом морально-этических вопросов устойчивого сельского хозяйства, лесоводства и т. п. развилась в очень мощную, но фактически самостоятельную экологическую этику, прикладной и междисциплинарный характер которой роднит ее с биоэтикой *статусно*, но не предметно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Potter, V. R. What Does Bioethics Mean? // Des Moines: Iowa State University, The Ag Bioethics Forum. – 1996. – Vol. 8, No 1. – P. 1–2.